
Михаил А. Клупт¹

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Российская Федерация, 191023, г. Санкт-Петербург,
улица Садовая, дом 21
<http://unecon.ru>

В ПОИСКАХ ТЕОРИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ, ЗАВЕРШИВШИХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД

Аннотация. Статья продолжает дискуссию о путях дальнейшего развития демографической теории, открытую статьей А. Г. Вишневого в первом номере журнала. По мнению автора, «демографическая эсхатология» Вишневого несовместима с реальными политическими практиками, о чем, в частности, свидетельствуют биографии А. Ландри, создателя теории демографической революции, и К. Дэвиса, одного из создателей теории демографического перехода. Ландри никогда не руководствовался в своей политической деятельности «демографическим фатализмом», а Дэвис, восхваляя административные методы снижения рождаемости в азиатских странах, выступал против пассивного ожидания плодов модернизации. Обрисованы подходы к теоретическому осмыслению проблем народонаселения, лежащие вне рамок теории демографической революции/перехода: теоретизирование, направленное на поиск механизмов, а не законов; адаптация теорий, сложившихся в других научных дисциплинах, к описанию этих механизмов; интерпретация постпереходного демографического развития как движения между аттракторами, скорость и направление которого определяется наличными экономическими ресурсами и сложившимися институтами. По мнению автора, взаимодействие смертности, рождаемости и миграции, занимающее центральное место в концепции Вишневого, не может объяснить многих проблем, связанных с влиянием демографического развития на современный мир. Для анализа таких проблем необходимо конструирование систем, включающих не только демографические, но и социальные, экономические и политические переменные. Возможности подобного подхода показаны на примере исследования политико-демографических механизмов, обусловивших неожиданную для большинства экспертов победу сторонников выхода Великобритании из Европейского союза и избрание Д. Трампа президентом США.

Ключевые слова: теория демографической революции; теория демографического перехода; французский пронатализм; демографический фатализм; политическая демография; институт; механизм; аттрактор.

JEL CODES: J00

¹ Михаил Александрович Клупт, доктор экономических наук, профессор, декан гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета. E-mail: klupt@mail.ru

Статья А. Г. Вишневого, опубликованная в первом номере «Населения и экономики» [Вишневский, 2017], стимулирует продолжение дискуссии о перспективах теоретического осмысления демографического развития и его взаимосвязей с другими сферами общественной жизни. Говоря о нерешенных вопросах теории демографической революции, Вишневский предлагает «расширить [ее] методологические основания до такой степени, чтобы они стали адекватны сложности изучаемых процессов и всей социальной системы, в которой эти процессы протекают» [Вишневский, 2017, с. 18], однако не приоткрывает завесу над тем, как это можно сделать. Это, в свою очередь, порождает ряд вопросов.

Способна ли теория демографической революции к дальнейшему развитию или ей предстоит занять почетное место в музее истории научной мысли? Являются ли продолжением этой теории современные концепции «женской революции» [Esping-Andersen, Bilari, 2015], «гендерной революции» [Goldscheider et al., 2015], «дивиденда гендерного равенства» (gender-equity dividend) [Anderson, Kohler, 2015]? Адекватны ли исходные предпосылки и концептуальный аппарат теории демографической революции/перехода проблемам, возникающим сегодня на стыках демографического, экономического и политического развития? Не пора ли выйти за рамки этой теории и дополнить или заменить ее другими подходами к исследованию данных проблем? Попытку ответить на эти вопросы и представляет собой предлагаемая вниманию читателя статья.

Демографический фатализм и политическая практика

Теория демографической революции в версии Вишневого базируется на трех предпосылках: 1) существует глобальный демографический гомеостазис; 2) различия между странами, находящимися на одной стадии демографического перехода, не значимы для теории; 3) исследование недемографических факторов демографического поведения не может внести в теорию ничего нового. Эту версию вряд ли можно рассматривать как логическое продолжение «канонических» концепций А. Ландри и группы американских демографов (Ф. Ноутстайна, К. Дэвиса и др.), она скорее является самостоятельной системой взглядов на тот же процесс. Принципиальные отличия заключаются, во-первых, в негативном отношении Вишневого к попыткам Ноутстайна и других исследователей объяснить снижение рождаемости не снижением смертности, а некоторым набором социально-экономических факторов, и, во-вторых, в том, что сам Вишневский называет «демографической эсхатологией» — в его концепции она занимает центральное место.

Под демографической эсхатологией Вишневский понимает «представления о конечном результате, к которому ведет демографическая револю-

ция» [Вишневский, 2017, с. 16]. Здесь он слегка недоговаривает: эсхатология как религиозное учение включает представления не только о «конечном результате», но и о том, что результат изначально предопределен. Ввиду этого, а также стремясь избежать пересечений с теологией, мы будем говорить далее не о демографической эсхатологии, а о демографическом фатализме.

Демографический фатализм подвергался критике многих ученых, их позиции хорошо известны, позволю себе их не пересказывать, тем более что это сделано самим Вишневским [Вишневский, 2017, с. 17–18]. Цель последующего изложения состоит в ином — показать, что дружное неприятие демографического фатализма миром политики далеко не случайно. В основе такого неприятия лежит не дефицит «просвещенности» или дальновидности политиков, а нечто более глубокое — законы политического мира, не приемлющего принципа «лучше ничего не делать, чем делать ничего». Неприятие демографического фатализма обусловлено самой природой политической активности, всегда направленной на то, чтобы изменить сложившуюся ситуацию, мобилизуя энергию тех, кто не удовлетворен ею. Неудовлетворенных же положением дел в сфере рождаемости и в еще большей степени — миграции в ближайшие десятилетия будет предостаточно.

В общественных науках существует множество способов аргументации. Одним из них, пусть и не относящимся к разряду неопровержимых, является анализ биографий. Ниже мы попытаемся обосновать наш взгляд на соотношение теории демографической революции/перехода и политической практики, анализируя биографии Адольфа Ландри (1874–1956), создателя теории демографической революции, и Кингсли Дэвиса (1908–1997), одного из отцов-основателей теории демографического перехода. Не претендуя на подробное жизнеописание этих исследователей, мы лишь попытаемся установить, как соотносилась между собой их деятельность в качестве политика (Ландри), политического консультанта (Дэвис) и ученого (они оба).

Ландри не был демографическим фаталистом. Деятельность любого крупного ученого и политика неизбежно вызывает противоречивые, порой диаметрально противоположные оценки. Ландри в этом отношении не является исключением. Мое видение его научной и политической деятельности существенно отличается от того, что предлагает в своей статье Вишневский.

Ландри не был, как это утверждает Вишневский [Вишневский, 2017, с. 17], адептом «пессимистической эсхатологии». Вся политическая биография французского демографа говорит об обратном: он был противником любого «демографического фатализма» — как пессимистического, так и оптимистического.

Ландри был не только ученым, но (и, может быть, прежде всего) политическим деятелем. Следствием этого, вероятно, и было предпочтение, отдаваемое им пусть и довольно грубым, но простым в политическом использовании объяснительным схемам. Логика, согласно которой рождаемость является результатом определенных факторов, воздействуя на которые можно ее повысить, несомненно относилась к числу таких. Тем не менее политическая деятельность Ландри как раз и была направлена на то, чтобы создать «возможные новые «формы социальной организации», обеспечивающие адаптацию общества к новым демографическим реальностям», к осмыслению которых призывает Вишневский [Вишневский, 2017, с. 16].

Многие серьезные политики — а Ландри, депутат французского парламента от Корсики и министр в нескольких правительствах, безусловно, относился к их числу — на протяжении всей своей жизни ищут выход из некоторого противоречия, созданного самим ходом исторического развития. Для Ландри это противоречие заключалось в том, что быстрое снижение рождаемости во Франции было, как он прекрасно понимал, обусловлено глубинными изменениями французского общества, но в то же время несло с собой смертельную угрозу геополитическому статусу Франции как великой державы. Выход из этого противоречия Ландри видел в развитии системы пособий и льгот для семей с детьми — иными словами, в демографической политике. Эта мера, как он полагал, поможет решить две взаимосвязанные задачи — обеспечение внутривнутриполитической стабильности и тесно связанную с ней защиту внешнеполитических интересов Франции.

Большая часть жизни Ландри пришлось на период противостояния Франции и Германии. Он родился лишь несколькими годами спустя после оккупации в 1870–1871 гг. прусскими войсками значительной части территории Франции, пережил Первую мировую войну и опасался ареста во время Второй. Французский пронатализм, одним из наиболее ярких представителей которого был Ландри, во многом представлял собой реакцию на дамоклов меч германской агрессии, постоянно висевший над Францией. «Германия не напала бы на нас в 1914 г., если бы французам было на 10 миллионов больше», — гласил один лозунг пронаталистов. «400 тысяч аборт в год — это депопуляция, депопуляция — это война», провозглашал другой [Thebaud, 1985, p. 282–283].

«Демографическая революция» — знаменитый сборник трудов Ландри [Landry, 1934] — вышел в свет далеко не в начале его политической карьеры. Политическая деятельность Ландри поэтому говорит о его взглядах не меньше, чем научные труды. Усилия Ландри во многом способствовали тому, что начиная с 1913 г. во Франции один за другим принимались законы, направленные на помощь семьям с детьми, — вначале

о поддержке многодетных семей и выплате семейных пособий офицерам и унтер-офицерам, а затем, с 1917 г., и всем гражданским служащим. Были установлены скидки на проезд в железнодорожном транспорте для семей с тремя и более детьми. В 1932 г. предприятия обязали делать взносы в фонд выплаты пособий многодетным работникам. Ландри принадлежала также важная роль в разработке и принятии в 1939 г. Семейного кодекса Франции.

Французских пронаталистов 20–30-х гг. прошлого века не стоит идеализировать. Среди его сторонников были и крайне правые политики, рассуждавшие о «желтой опасности», нависшей над белой расой [Thebaud, 1985, p. 283]. П. Ори (*Hauri*), один из лидеров пронаталистского движения, был поклонником демографической политики Муссолини и Гитлера и как нельзя лучше пришелся ко двору в марионеточном Французском государстве (режиме Виши) [Koos, 2014; Nord, 2010]. Политические предпочтения Ландри были, однако, совсем иными — его взгляды тяготели к социал-демократическим, а к режиму Виши он относился без малейшей симпатии.

В июле 1940 г. Ландри был отрешен от должностей мэра корсиканского города Кальви и члена Высшего совета по вопросам населения, поскольку отказался проголосовать за передачу всей полноты полномочий Ф. Петену, главарю режима Виши [Sauvy, 1956, p. 613]. Альфред Сови, знаменитый французский демограф, вспоминал впоследствии, что в 1943 г. к нему неожиданно пришел Ландри. «Радостный и легкий как дитя», он сообщил, что его *Traité de Demographie* (фундаментальный труд Ландри) уже в типографии. «Теперь, — добавил Ландри — пусть приходят арестовывать!» [Sauvy, 1956, p. 615]. На веб-сайте корсиканского комитета Национальной ассоциации бойцов и друзей Сопrotивления Ландри посвящена отдельная статья, в которой говорится о его «неброской» (*discret*) симпатии к Сопrotивлению¹.

В основе французского пронатализма, несомненно, лежали не только рациональные расчеты, но и патриотические эмоции. Вера пронаталистов в то, что демографическая и семейная политика спасут Францию от гитлеровской агрессии и оккупации, была, конечно же, наивной и, как быстро выяснилось, не оправдала себя. Однако усилия Ландри оказались не напрасными. После разгрома гитлеровской Германии Франция продолжала развивать демографическую и семейную политику, в разработку которой Ландри внес столь существенный вклад. Эта политика, как показал последующий ход событий, была достаточно эффективной. Франция на протяжении всего периода, прошедшего после окончания Второй

¹ <http://www.resistance-corse.asso.fr/fr/mediatheque/biographies/landry-adolphe/> (дата обращения: 02.02.2018)

мировой войны, опережает ФРГ по уровню рождаемости и является одним из лидеров рождаемости в развитом мире.

Верил ли Кингсли Дэвис в практический потенциал теории демографического перехода? Дэвис, как известно, принадлежит к числу отцов-основателей теории демографического перехода. Однако верил ли он в ее практическую? Сопоставление теории и практических рекомендаций Дэвиса заставляет в этом усомниться.

В российской научной и публицистической литературе демографический переход иногда представляют как процесс, в ходе которого индивид получает все большую свободу репродуктивного выбора. Подобная интерпретация является односторонней. Во многих развивающихся странах демографический переход был не чем иным, как заменой одной несвободы другой. На смену зависимости от традиционной общины приходила зависимость от государства, без лишних церемоний требовавшего от семьи снижения рождаемости. Дэвис, как показывает анализ его взглядов, довольно быстро оставил либеральные надежды на всемирную вестернизацию и стал сторонником далеких от либерализма незападных практик ограничения рождаемости.

Американский демограф использовал метафору взрыва применительно к росту населения еще до того, как увидели свет памфлет Хью Мура «Демографическая бомба» [Population... 1954] и книга Пола Эрлиха [Ehrlich, 1968], получившая с разрешения Мура то же название. Дэвис сравнил рост мирового населения с «бикфордовым шнуром, который горит медленно и сбивчиво, но в конце концов достигает заряда и вызывает взрыв» [Davis, 1945, p. 1]. Американский демограф был в ту пору оптимистичен, хотя и несколько противоречив. На соседних страницах одной статьи ему удалось совместить критику «неявного расизма, свойственного англо-американскому мышлению» с надеждами на то, что западная цивилизация, распространившись по всему миру, успеет спасти мир до того, как восточная опустит его до своего уровня [Davis, 1945, pp. 7, 8].

В последующие годы, однако, Дэвис связывает свои надежды на решение глобальных демографических проблем не столько со всеобщей вестернизацией человечества, сколько с азиатской цивилизацией. В статье 1958 г., опубликованной в *Foreign Affairs*, весьма влиятельном внешнеполитическом журнале, уже не Америка оказывается примером для Китая, а, напротив, Китай примером для Америки. «Если коммунистические нации, — пишет Дэвис, — начинают отказываться от догмы, согласно которой экономическое развитие является панацеей, независимой от всего остального, пора и свободным нациям и в особенности Соединенным Штатам в их внешней политике сделать то же самое» [Davis, 1958, p. 301].

Публикация 1967 г. в *Science*, одном из самых авторитетных американских научных журналов, представляла собой дальнейший отход от прин-

ципов либерализма. Видя дилемму демографической политики в противоречиях между интересами семьи и общества, Дэвис безоговорочно отдавал предпочтение последнему. Планирование семьи, полагал он, «акцентируя внимание на праве родителей иметь столько детей, сколько они желают, уклоняется от ответа на основной вопрос демографической политики — как дать обществам то число детей, которое им необходимо» [Davis, 1967, p. 738].

Рекомендации, сделанные Дэвисом в 1975 г. в статье, посвященной урбанизации в Азии, свидетельствовали об окончательной утрате им надежд на то, что решение демографических и экономических проблем Азии возможно на основе повторения пути, пройденного в свое время Западом. Поскольку азиатские города, писал он, «населены малообразованными и обнищавшими массами», «демократия, частная инициатива и личная свобода, по-видимому, приведут к хаосу» [Davis, 1975, p. 83]. Единственной силой, способной управлять азиатскими мегаполисами, является, полагал он, «сильное правительство, которое отличается от массы населения (*populace*) как своими навыками, так и мощью» [Davis, 1975, p. 83].

Базовая идея теории демографического перехода, согласно которой для снижения рождаемости необходимы модернизация и ее составляющие — индустриализация, урбанизация, эмансипация женщин и т.д., была, таким образом, отставлена в сторону в интересах политической целесообразности. Вместо нее на первый план выдвигалась другая концепция — при определенных обстоятельствах административный нажим вполне способен заставить семьи рожать меньше детей даже там, где модернизация еще не начиналась или только делает первые шаги.

Еще раз об истории, о географии и практичности хорошей теории

Недостатки построенной Вишневым теории являются, как это порой бывает, продолжением ее достоинств. Она внутренне целостна и закончена, но именно поэтому к ней, как, например, и к знаменитой теории пассионарности Л. Н. Гумилева, что называется, ни прибавить ни убавить. Надстроенная же понятием «демографической эсхатологии» конструкция Вишневого и вовсе уходит столь далеко ввысь, что неизбежно вторгается в область метафизики, а это исключает ее подтверждение или опровержение на основе эмпирических данных.

Историки и методологи науки давно пришли к выводу о существовании различных типов теорий. Теория Вишневого представляет собой один из них, а именно, тип, заведомо не допускающий ни достаточного эмпирического подтверждения, ни окончательного эмпирического опровержения. И, если уж быть совсем точным, правильнее было бы говорить

в этом случае не о теории, а о системе взаимосвязанных научных и философских гипотез.

На утверждение, что один из основополагающих тезисов теории демографического перехода — стабилизация рождаемости на уровне двух детей в расчете на одну женщину — опровергнут фактами [Валлен, 2005], можно, разумеется, возражать, что процесс демографического перехода еще не окончен и с выводами надо бы повременить [Вишневский, 2012]. Однако при многократном повторении подобного обмена аргументами он с каждым разом будет все более напоминать пресловутый спор острокопечников и тупоконечников. Ссылки же на авторитеты, например на труды Л. Берталанфи, и выводы по аналогии не относятся к разряду эмпирических фактов, подтверждающих теорию.

Демографы в своем подавляющем большинстве хорошо образованные люди, но, занимаясь избранной ими профессией, избегают обращения к философскому вопросу о свободе воли, который, подобно оппозиции «материализм — идеализм», веками разделял философов на враждующие лагеря. Этот вопрос, однако, имеет прямое отношение к рассматриваемой проблематике. Если история вообще и демографическая история в частности предопределена, то есть ли смысл пытаться политическими, экономическими и другими методами влиять на демографическое развитие? И, даже если предположить, что она предопределена, могут ли в принципе существовать теоретики, которым это предопределение доподлинно известно? Можно, конечно, «решать» вопрос о свободе воли и так, как это предлагалось в советском общественном сознании, когда «правильные» теоретики и политики (в постсоветской версии — поборники модернизации) способны ускорить ход истории, а «неправильные» (контрреволюционеры, «контрмодернизаторы» и т.д.) — замедлить ее, но не остановить. Проблема, однако, не имеет единственного решения, и при таком подходе ответ на вопрос, в чьи паруса веет ветер истории, неизбежно определяется политическими предпочтениями отвечающего.

Наряду с демографическим фатализмом практическое значение разработанной Вишневским теоретической конструкции снижают, как мне кажется, еще две заложенные в ее фундамент предпосылки. Одна из них — принципиальный отказ от рассмотрения «недемографических» факторов демографического поведения, другая — вынесение за скобки теории цивилизационных и/или национальных культурных различий.

По мнению Вишневского, важно лишь то, какой режим демографического воспроизводства — традиционный или новый, модернизированный установился в стране. Остальные различия, полагает он, не более чем статистическая вариация, присущая любым процессам и явлениям. Вишневский приводит в качестве доказательства распределение известных людей

по росту, вариация которого почти не отличается от вариации итогового числа рождений в когортах [Вишне夫斯基, 2015, с. 127].

Подобная трактовка межстрановой вариации, на мой взгляд, неправомерна и непродуктивна в практическом отношении по многим причинам, одной из которых является несовместимость с законами политического мира. Аналогия с темпами экономического развития или уровнем безработицы объясняет в данном случае значительно больше, чем сравнение с распределением людей по росту. Политик, объясняющий избирателям, что экономика его страны переживает спад, а безработица намного выше, чем у соседей просто в силу случайной игры шансов, заведомо обречен на неудачу. Избиратели ждут от политиков обещаний улучшить экономическую ситуацию и рецептов того, как это можно сделать, а вовсе не фаталистических рассуждений о непреодолимом действии закона больших чисел или неизбежности безработицы при капитализме.

Выше уже было показано, что практические действия Ландри и Дэвиса определялись прежде всего политической логикой. Также обстоит дело и в России. Стоит вспомнить результаты контент-анализа политико-демографических высказываний, проведенного в самом начале нынешнего века [Клупт, 2003]. В то время как эксперты демонстрировали разные точки зрения, разброс мнений политиков о том, как относиться к сложившемуся в России уровню рождаемости, был невелик — коммунисты, либералы и центристы дружно заявляли о необходимости предпринять усилия по ее повышению. В этом они были единодушны, и, конечно же, не случайно их мнение совпало с мнением избирателей, которые, как показывали опросы общественного мнения, ждали от государства мер по повышению рождаемости; вскоре такие меры и последовали.

Вернемся, однако, к рассмотрению процессов в мировом масштабе. Демографический переход в большей части стран подходит к концу, но в тропической Африке уровень рождаемости остается очень высоким. Вполне естествен адресуемый теоретику вопрос политика или просто «человека с улицы»: как скоро и до какого уровня снизится рождаемость в самой многонаселенной стране континента Нигерии? Ответ, предлагаемый Вишневым, сводится примерно к следующему: теория не может опускаться до подобных мелочей, ибо она представляет собой ключ от другого замка, главное же состоит в том, что рано или поздно произойдет переход от традиционного к современному уровню воспроизводства [Вишне夫斯基, 2005]. Лично мне это напоминает известный анекдот про спор Фомы Аквинского и Альберта Великого о том, есть ли зрение у крота. Услышав этот спор, садовник предложил принести столпам средневековой философии крота. Предложение было с негодованием отвергнуто — спор ведь шел о кроте и зрении в принципе, а не о каком-то конкретном кроте!

Причины интереса к межстрановым сравнениям связаны не только с внутри-, но и с внешнеполитическими причинами. Западные СМИ, например, постоянно муссируют тезисы о «вымирающей России» и трудностях, с которыми предстоит столкнуться Китаю в силу снижения рождаемости. Российские медиа не остаются в долгу, уделяя значительное внимание проблемам Европейского союза, вызванным притоком беженцев и других категорий иммигрантов. Спрос на теории, не считающие нужным опускаться до обсуждения подобных «мелочей», заведомо ограничен.

Интерес к межстрановому сравнению рождаемости, впрочем, далеко не всегда обусловлен борьбой на пропагандистском поле. В сущности, во всех развитых странах сейчас идет поиск гармоничного сочетания родительских и профессиональных обязанностей. Его естественным следствием является межстрановое сравнение юридических и неформальных институтов, определяющих роли в семье, и их влияния на рождаемость.

В конце предыдущего десятилетия западные демографы [Mirskilä et al., 2009] сделали вывод о том, что обратная зависимость рождаемости от уровня развития не только утратила свой универсальный характер, но и сменилась на прямую в наиболее развитых странах. В ходе последующей дискуссии Вишнеvский писал о том, что «единственная, вызывающая немало вопросов публикация не может служить фундаментом для пересмотра всех взглядов на рождаемость, которым посвящены десятки и сотни статей и книг последних десятилетий» [Вишнеvский, 2012, с. 82].

Число публикаций, посвященных тематике, затронутой в работе Мирскила и др. [Mirskilä et al., 2009], между тем продолжало нарастать [Anderson, Kohler, 2015; Esping-Andersen G., Bilari F., 2015; Goldscheider et al., 2015]. В работе Эспинга-Андерсена и Билари [Esping-Andersen, Bilari, 2015] разрабатывается концепция «женской» или в терминах Голдшайдера и др. [Goldscheider et al., 2015] «гендерной» революции. На ее первой стадии, полагают авторы концепции, рост профессиональной занятости женщин ослабляет семью, на второй более полное включение мужчин в семейные дела ее укрепляет. В работе Андерсона и Кохлера [Anderson, Kohler, 2015] та же идея вписывается в теорию демографического перехода: по мнению авторов, более равномерное распределение ролей между супругами знаменует собой начало новых стадий демографического перехода, на которых начинает проявляться положительное влияние «дивиденда» гендерного равенства на желаемое число детей в семье и уровень рождаемости.

Названные работы по существу развивают теорию демографической революции, однако в ином от концепции Вишнеvского направлении. Во-первых, в отличие от концепции Вишнеvского период, следующий за окончанием демографического перехода, также делится на фазы. Во-вторых, гомеостатический механизм носит не глобальный, а локальный

и по кругу вовлекаемых процессов, и по территориальному охвату характер. По мнению Эспинга-Андерсена и Билари [*Esping-Andersen, Bilari, 2015, pp. 381, 389*], в возрастах наиболее частого вступления брак в ряде развитых стран наблюдается дефицит женщин, это, в свою очередь, способствует гендерному равенству и большему участию мужчин в семейных заботах, снижает сложности совмещения женщинами профессиональных и семейных обязанностей и тем самым возвращает рождаемость к более высокому уровню. В-третьих, Вишневецкий говорит о случайном характере вариации рождаемости в странах, завершивших демографический переход, тогда как в концепции названных западных авторов различия между «передовиками» гендерной революции и «отстающими», напротив, носят неслучайный характер и выводятся из истории этих стран.

Различным оказывается не только диагноз, но и прогноз. Вишневецкий полагает, что в большинстве постиндустриальных стран «итоговая рождаемость реальных поколений снижается, никаких признаков серьезных альтернатив не просматривается» [Вишневецкий, 2012, с. 84]. Авторы вышеназванных статей более оптимистичны и, хотя и со множеством оговорок, полагают, что, по мере того как гендерное равенство будет все шире распространяться, рождаемость будет расти [Anderson, Kohler, 2015, p. 398; Esping-Andersen, Bilari, 2015, p. 9].

Междисциплинарная перспектива

Хотя концепция Вишневецкого существенно отличается от концепций женской и гендерной революции, их объединяет общая черта — все они ограничены рамками, заданными теорией демографического перехода и присутствующим ей методом теоретизирования. Ниже я попытаюсь обрисовать хотя бы в самых общих чертах возможности теоретизирования, выходящего за эти рамки. Преданность сообщества демографов теории демографической революции/перехода во многом объясняется их стремлением сохранить идентичность своей научной дисциплины, сформировавшейся вокруг этих теорий как концептуального стержня. Поэтому сразу же оговорюсь, что мои последующие рассуждения выходят за пределы демографии в узком смысле термина и охватывают более широкую область, обычно называемую исследованиями народонаселения.

Другой тип теоретизирования. Развитие в любой из областей общественной жизни складывается из процессов различной временной протяженности. Ввиду этого в концептуализации нуждаются не только процессы большой временной протяженности, но и краткосрочные процессы, а теоретизирование может быть направлено не только на поиск «законов истории», но и на описание более краткосрочных и вариативных закономерностей — механизмов [Tilly, Goodin, 2006, p. 15]. О. Малинова, на-

пример, пишет о том, что механизм (я бы сказал, описание механизма) «это меньше, чем теория, но больше, чем описание, ибо может служить в качестве модели для объяснения других случаев» [Малинова, 2013, с. 14]. На мой взгляд, теоретизирование в области исследований народонаселения вовсе не обязательно должно быть направлено на поиск «законов истории», предметом такого поиска могут быть и механизмы — менее устойчивые, чем «законы», причинно-следственные цепочки, связывающие переменные на протяжении относительно короткого периода времени.

Примером такого механизма является общее для ряда стран, переживавших в 1990-е гг. трансформационный шок, снижение рождаемости, обусловленное экономическими трудностями и изменением системы жизненных приоритетов населения, в особенности молодежи. Другой пример — резкое снижение рождаемости в Испании и Португалии, произошедшее после падения там диктаторских режимов и интеграции в Европейский союз. Ниже в данной статье описаны также механизмы с положительной и отрицательной обратной связью, связывающие рост численности иммигрантских меньшинств и электоральный процесс в принимающих странах.

Исследование механизмов обеспечивает несколько другой, чем при опоре на теорию демографической революции, подход к построению демографической политики. Теория демографической революции/перехода говорит о процессах большой временной протяженности и в ее нефаталистических версиях располагает к построению программ, рассчитанных на длительные сроки. Исследование механизмов корреспондирует скорее со взглядом на формирование стратегии как на развивающийся процесс самообучения [Минцберг и др., 2000]. Ч. Линдблом писал в этой связи, что «выработка политики — это, в сущности, нескончаемый процесс последовательных шагов, где одному хорошему укусу предпочитают череду покусываний» [Lindblom, 1968, p. 25, цит. по: Минцберг и др., 2000, с. 151]. При таком подходе построение демографической политики складывается из:

- анализа механизмов, определяющих ход демографических процессов в данной стране в данный период времени;
- выбора механизмов, действие которых способно повлиять на демографические процессы в заданном направлении;
- принятия мероприятий, способных усилить действие данных механизмов;
- анализа их результативности и принятия на его основе корректирующих воздействий.

Страны и их институциональная структура. Межстрановые различия играют в отличие от того, что полагает Вишневецкий, принципиальную роль. Эффективная демографическая политика — это политика, которая,

с одной стороны, хорошо вписывается в сложившуюся структуру институтов, с другой — способна содействовать их изменению в заданном направлении. Проведение такой политики предполагает достаточно ясное понимание институциональной структуры, сложившейся в данной стране и прежде всего отношений между обществом, государством и индивидом. Это, в свою очередь, исключает унифицированный подход к построению демографической политики: то, что «работает» в одной стране, не может работать в другой. Проведение демографической политики, подобной той, что проводилась в КНР, оказалось, например, невозможным в Индии и тем более в странах тропической Африки.

Аттракторы, а не фазы. При исследованиях народонаселения в странах, завершивших демографический переход, использование термина «аттрактор», заимствованного из синергетики, представляется более продуктивным, чем деление постпереходного демографического развития на фазы, предлагаемое, например, в работе Андерсона и Кохлера [Anderson, Kohler, 2015, p. 15]. Аттракторы современных демографических процессов созданы не их «внутренней логикой», а, напротив, внешней по отношению к ним мир-системой, делящейся на ядро, полупериферию и периферию, и также внешними шоками, такими как Вторая мировая война и распад советского военно-политического блока. В настоящее время в Европе можно говорить о четырех аттракторах демографического развития:¹

1. Франция и Швеция — страны ядра, для которых характерны: щедрая государственная семейная политика; инфраструктура, существенно облегчающая сочетание родительских и профессиональных обязанностей; рождаемость, близкая к уровню простого замещения поколений; постоянный приток мигрантов, обусловленный высоким уровнем жизни.
2. ФРГ — страна ядра, в которой в силу исторических причин семейная политика была долгое время ориентирована на модель отца-добытчика и матери-домохозяйки, что привело к слабому развитию системы детских дошкольных учреждений и низкой рождаемости, миграционный приток в силу высокого уровня жизни является при этом весьма значительным.
3. Испания — страна полупериферии, в которой в силу исторических причин семейная политика также долгое время была ориентирована на модель отца-добытчика и матери-домохозяйки, однако при более низком, чем в ФРГ, уровне жизни и более подвержен-

¹ Отметим, что «аттрактор» в нашей трактовке весьма близок к понятию «идеального типа» М. Вебера с той, однако, разницей, что последний не обязательно обладает силой притяжения.

ной подъемом и спадам экономике, обусловившей нестабильность миграционных процессов.

4. Украина, Молдавия — страны периферии, не способные в силу нехватки финансовых ресурсов проводить достаточно щедрую демографическую политику, вследствие чего рождаемость является низкой, а сальдо миграции — резко отрицательным.

Демографическое развитие отдельных стран представляет собой движение в этой системе с четырьмя центрами притяжения. Скорость движения определяется экономической ситуацией, силой инерции ранее сформировавшихся институтов и случайной компонентой, связанной с труднопредсказуемыми историческими событиями, такими, например, как брекзит. Методологическим преимуществом подобного подхода является возможность выделения специфических проблем, стоящих перед странами в демографической сфере. Например, дрейф ФРГ в сторону «французско-шведского» аттрактора осложняется не нехваткой экономических ресурсов, а спецификой неформальных (устойчивые представления о роли женщины в семье, сложившиеся еще в 1950–1960-е гг.) и политических институтов. Напротив, движение России в сторону того же аттрактора осложняется в настоящий момент прежде всего нехваткой экономических ресурсов. Заметим также, что число аттракторов непостоянно — они могут появляться и исчезать.

Ввиду наличия четырех центров притяжения характер движения труднопредсказуем, что, собственно говоря, и определяет целесообразность использования термина «аттрактор», подчеркивающего в отличие от термина «фаза» вероятностный характер процесса. Последовательный переход всех европейских стран от одной фазы постпереходного демографического развития к другой, вытекающий из теории Андерсона и Кохлера [Anderson, Kohler, 2015], является, на наш взгляд, лишь одним из возможных, причем далеко не самым вероятным сценарием развития событий.

Построение систем, включающих демографические, социальные, экономические и политические переменные. Можно согласиться с Вишневым и другими исследователями в том, что демографическое развитие в ряде случаев целесообразно рассматривать как фактор, а не результат социальных, экономических и политических изменений. Однако простая «перемена мест» — присвоение демографическому развитию статуса независимой переменной вместо зависимой — вряд ли является методологическим прорывом. В реальности демографическое, экономическое, социальное и политическое развитие представляет собой систему, пронизанную контурами прямых и обратных связей. Изучая их, целесообразно моделировать такие системы, не придавая демографическому развитию какого-либо

постоянного статуса, будь то зависимая или независимая переменная, ибо сам этот статус — величина переменная.

В мире, как известно, все связано со всем, и выбор того, что включать в систему, подлежащую научному анализу, остается за исследователем. В концепции Вишневского эта система включает рождаемость, смертность и миграцию. Мне же хотелось бы показать перспективы другого подхода — конструирования систем, включающих демографические, социальные, экономические и политические переменные. Чтобы не быть слишком абстрактным, использую в качестве иллюстрации применения подобного подхода актуальные темы — избрание президентом США Д. Трампа и брекзит. Краткое и, вероятно, не исчерпывающее описание элементов системы выглядит при этом следующим образом.

1. Демографические переменные: миграция, этническая, этносоциальная и этнотерриториальная структуры населения.
2. Политические переменные: позиции партий и группировок внутри них по вопросам миграционной политики; партийная и избирательная система; результаты голосования различных групп населения по вопросам, тесно связанным с миграцией и миграционной политикой.
3. Политико-демографические переменные: миграционная политика и способность или неспособность властей обеспечить ее практическую реализацию.
4. Экономические переменные: уровни занятости и безработицы в этническом и территориальном разрезе.
5. Социокультурные переменные: территориальное распределение консервативно и либерально настроенных групп населения и, в частности, групп населения, удовлетворенных и недовольных нынешним состоянием дел в сфере иммиграции.
6. Медийные переменные: размеры и структура аудитории либеральных и консервативных СМИ; податливость различных групп электората пропаганде «идейно чуждых» СМИ или «глухота» к их аргументам.

Миграция в такой системе выступает сначала в качестве входной, а затем — выходной переменной, и в обоих случаях зависит от структуры населения, сложившейся к моменту выборов, их исхода, последующей политической борьбы и экономической ситуации в стране.

В идеале исследования систем, подобных обрисованной выше, должны опираться на теории, объясняющие связи между названными переменными или их генезис. На практике, однако, таких теорий в одних случаях просто нет, в других они носят описательный характер и только в третьих могут быть использованы для характеристики механизмов, определяющих функционирование системы. Не ставя перед собой в этой статье цель «ин-

вентаризации», а тем более обзора таких теорий, отметим в качестве иллюстрации лишь отдельные вытекающие из них объяснения.

Политическая демография уже многие десятилетия занимается описанием влияния численности населения и его возрастной структуры на геополитику и внутривнутриполитические процессы. Недостаток большинства работ на эту тему заключается в том, что они неявно базируются на принципе «при прочих равных», стремясь сформулировать некие утверждения, верные во всех случаях. Политико-демографические процессы, между тем, плотно вписаны в страновой и региональный контексты, вне которых их рассмотрение часто становится неоправданно абстрактным. Из этого, в частности, следует необходимость построения политико-демографических систем и анализа механизмов их функционирования в политических контекстах различного типа.

Теории общественного выбора и политических рынков рассматривают избирательные программы политиков как товар, а избирателей — как его покупателей. В качестве подобных электоральных товаров вполне могут рассматриваться демографическая и миграционная политики. Спрос на ужесточение миграционной политики неизбежно рождает предложение со стороны политических партий и отдельных политиков — примерам в последние годы несть числа.

Анализ результатов недавних голосований в США, Франции и Великобритании в территориальном и социальном разрезе [Клупт, 2017; 2018] свидетельствует о том, что спрос на ужесточение миграционной политики предъявляют вполне определенные группы населения — в частности, квалифицированные рабочие, жители провинциальных городов, лица старше 40 лет, жители депрессивных регионов с высоким уровнем безработицы. Данное обстоятельство, на мой взгляд, является принципиально важным, поскольку показывает, что спрос на ужесточение миграционной политики — следствие структурных особенностей, присутствующих экономически наиболее развитым странам. Объяснения этого обстоятельства можно искать с помощью теории сегментированного рынка труда.

Для «нижнего этажа» этого рынка характерны отсутствие гарантий постоянной занятости, «теневая» зарплата и тяжелый труд. Этот непривлекательный сегмент рынка труда играет в жизни наиболее развитых стран двоякую роль. С одной стороны, он притягивает недавних трудовых мигрантов из развивающихся стран, с другой — является резервуаром недовольства «застарявшихся» на нем мигрантов со стажем (например, этнических немцев, переехавших в ФРГ в 1990-е гг. и ныне голосующих за «Альтернативу для Германии»), а тем более старожилов, над которыми постоянно висит угроза увольнения.

Необходимой составной частью анализа рассматриваемой системы является сценарный подход. Перед голосованием в качестве наиболее вероятных сценариев по почти единодушному мнению экспертного сообщества считались победа Х. Клинтон и сторонников продолжения членства Великобритании в ЕС. В основе сценариев в обоих случаях, хотя об этом и не заявлялось открыто, лежали представления экспертов о безальтернативности хода истории в направлении, весьма близком тому, что предсказывали Фукуяма и его единомышленники. Механизм реализации данного сценария представлялся следующим: растущая численность иммигрантских меньшинств с каждым годом все более ослабляет сторонников ужесточения иммиграционной политики; мощь либеральных СМИ достаточно велика, чтобы представить тех, кто выступает за ужесточение иммиграционной политики, в крайне невыгодном свете. Данный сценарий предполагал доминирование механизма с положительной обратной связью — рост численности иммигрантских меньшинств увеличивает численность «проиммиграционного» электората, что приводит к победе на выборах сторонников мягкой иммиграционной политики, дальнейшему росту численности иммигрантских меньшинств и т.д.

На практике, однако, реализовался иной сценарий. Доминирующим оказался механизм с отрицательной обратной связью — крупномасштабная иммиграция повлекла за собой политическую мобилизацию ее противников и раскол правящей элиты. Экономически и социально ущемленные или просто консервативные группы населения оказались глухи к доводам либеральных СМИ и тем более научного сообщества, особенность американской избирательной системы (победитель в штате получает все) сыграла роль последней капли в чаше терпения.

Несмотря на электоральные победы сторонников ужесточения иммиграционной политики, вопрос о влиянии этой победы на реальные иммиграционные потоки так и остался открытым. В США, похоже, сложилась ситуация политического пата, при котором одна из сторон блокирует действия другой в сфере миграционной политики, а реальные иммиграционные процессы продолжают жить по своим законам, во многом диктуемым экономической конъюнктурой. Радикальных перемен в масштабах иммиграции не видно пока и в Великобритании.

Вышеописанные события являются, на мой взгляд, подтверждением хорошо известного положения — развитие сложных систем многоальтернативно, вследствие чего предсказание того, по какому пути пойдет это развитие, всегда носит вероятностный характер. Данное обстоятельство и является одной из основных причин моего скепсиса в отношении интеллектуальных конструкций, претендующих на то, что им известен финал демографической истории. Если «коллективный разум» экспертов, настроенный на общую идеологическую волну, ошибается на столь

коротких дистанциях, то можно ли ожидать от него правильных прогнозов на куда более длинных?

Заключительные замечания

Сосуществование, иногда относительно мирное, иногда конфликтное, различных систем взглядов на одни и те же процессы обычно для науки. Столь же обычен и вопрос о том, являются ли эти взгляды взаимоисключающими или взаимодополняющими. Применительно к проблематике данной статьи ответ на этот вопрос носит сложносоставной характер, так как в одних случаях речь идет о вполне способных дополнить друг друга концепциях, в других — о несовместимых друг с другом трактовках.

Рассмотрение демографического развития как процесса, внутренняя логика которого определяется только взаимодействием смертности, рождаемости и миграции, — лишь один из возможных подходов к его исследованию. Его потенциал неизбежно ограничен — слишком многие важные детерминанты и последствия демографических процессов остаются в этом случае за кадром.

Попытки втиснуть динамику смертности и рождаемости в России в 1990-е гг. в прокрустово ложе данного подхода привели к по меньшей мере спорным, а на мой взгляд, и прямо ошибочным выводам о том, что небывалый в мирные годы рост числа умерших не был связан с тяжелой экономической ситуацией тех лет, а рост доли внебрачных рождений в их общем числе вызван исключительно процессами, типичными для всего «цивилизованного мира». Возникновение французского пронатализма, наследницей которого является современная семейная политика Франции, а отдаленным последствием — более высокая по сравнению с большинством европейских стран рождаемость, невозможно понять, забывая о той смертельной угрозе, которую долгое время представляла для Франции германская агрессия. Любое сколь-нибудь полное объяснение эволюции китайской семьи в последние полвека требует обращения к неравномерности экономического развития различных районов КНР и вызванной этим обстоятельством колоссальной внутренней миграции, разделившей семьи на тех, кто остался на прежнем месте жительства (чаще всего стариков, несколько реже — детей и жен), и добытчиков (чаще всего сыновей и мужей), работающих в экономически развитых районах и материально поддерживающих своих оставленных, но не брошенных на произвол судьбы родственников. Перечень подобных примеров легко продолжить.

Говоря обо всем этом, я порой думаю, что ломлюсь в открытую дверь. Публицистические произведения российских сторонников теории де-

мографической революции не оставляют сомнений в том, что и сами они прекрасно понимают: рождаемость, смертность и миграция связаны не только друг с другом, но и со многими другими процессами в жизни общества. Однако, возвращаясь в мир теории, эти исследователи вновь и вновь настаивают на том, что для объяснения хода демографического развития достаточно анализа взаимосвязей в границах треугольника «смертность, рождаемость, миграция». Это, разумеется, их право. Мне же, завершая статью, остается лишь повторить, что выход за пределы данного треугольника способствует лучшему пониманию того, как связано демографическое развитие с остальными сферами общественной жизни.

Список используемой литературы

1. Валлен Ж. 2005. Речь г-на Жака Валлена, президента Международного союза по изучению населения, на открытии XXV Международного конгресса по народонаселению. *Этнопанорама*. № 3–4. С. 96–100.
2. Вишневский А. Г. 2005. Это ключ от другого замка. *Общественные науки и современность*. № 2. С. 150–155.
3. Вишневский А. Г. 2012. Есть ли альтернативы у безальтернативного? *Общественные науки и современность*. № 2. С. 78–91.
4. Вишневский А. Г. 2015. После демографического перехода: конвергенция, дивергенция или разнообразие. *Общественные науки и современность*. № 2. С. 112–129.
5. Вишневский А. Г. 2017. Нерешенные вопросы теории демографической революции. *Население и экономика*. Т. 1. № 1. С. 3–21.
6. Клупт М. А. 2003. Демографическая политика как предмет контент-анализа. *Социологические исследования*. № 12. С. 108–117.
7. Клупт М. А. 2017. Иммиграция и интеграция: союзники, попутчики или антагонисты? *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 61. № 7. С. 73–82.
8. Клупт М. А. 2018. Социальные различия в отношении к иммиграции в России и странах Запада. *Социологические исследования*. № 1. С. 112–120.
9. Малинова О. Ю. 2013. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М.: РАН ИНИОН.
10. Минцберг Г., Альстред Д., Лэмпел Дж. 2000. Школы стратегий. Стратегическое сафари: экскурсия по дебрям стратегического менеджмента. СПб.: Питер.
11. Anderson Th., Kohler H.-P. 2015. Low Fertility, Socioeconomic Development, and Gender Equity. *Population and Development Review*. 41 (3). Pp. 381–407.
12. Davis K. 1975 (Jan.). The World Demographic Transition. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 237. World Population in Transition. Pp. 1–11.
13. Davis K. 1958 (Jan.). The Political Impact of New Population Trends. *Foreign Affairs*. Vol. 36. No. 2.
14. Davis K. 1967 (Nov. 10). Population Policy: Will Current Programs Succeed? *Science. New Series*. Vol. 158. No. 3802. Pp. 730–739.
15. Davis K. 1975. Asia's Cities: Problems and Options. *Population and Development Review*. 1(1). Pp. 71–86.

16. Ehrlich P. 1968. *The Population Bomb*. NY.: Ballantine Books.
17. Esping-Andersen G., Billari F. 2015. Re-Theorizing Family Demographics. *Population and Development Review*. 41 (1). Pp. 1–31.
18. Goldscheider F., Bernhardt E., Lappegård T. 2015. The Gender Revolution: A Framework for Understanding Changing Family and Demographic Behavior. *Population and Development Review*. 41 (2). Pp. 207–239.
19. Koos Ch. 2014. Gender, the Family and Fascist Temptation. In: Kalman S., Kennedy S. (eds.). *The French Right between the Wars: Political and Intellectual Movements from Conservatism to Fascism*. NY and Oxford: Berghahn Books. Pp. 112–126.
20. Lindblom C. 1968. *The Policy-making process*. NJ.: Prentice Hall.
21. Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F. 2009. Advances in Development Reverse Fertility Declines. *Nature*. № 460 (7256). Pp. 741–743.
22. Landry A. 1934. *La Révolution Démographique*. Paris: Recueil Sirey.
23. Nord Ph. 2010. *France's New Deal: From the Thirties to the Postwar Era*. Princeton: Princeton University Press.
24. *The Population Bomb*. 1954. Hugh Moore Fund.
25. Sauvy A. 1956. Adolphe Landry. *Population*. Vol. 11. No. 4 (Oct. — Dec.). Pp. 609–620.
26. Thebaud F. 1985. Le Mouvement Nataliste dans la France de l'entre-deux-guerres: l'Alliance Nationale pour l'Accroissement de la Population Française. *Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine*. 32 (2). Pp. 276–301.
27. Tilly Ch., Goodin R. 2006. It Depends. In: Tilly Ch., Goodin R. (eds.). *The Oxford Handbook of Contextual political analysis*. Oxford University Press. Pp. 3–34.